

1-я сер.

XVI
49434

ОТЕЧЕСТВО

ОЛОГУБЪ

♦ СТАТЬИ ♦

КЛАРСЕНЬЕВЪ ИЛЪ

ДУЭНЪ ДЕРУРТЕНЭ

ИИИИИ ИЛЮКОВЪ

РАЗСКАЗЫ

МГОРЬКІЙ ДРЕМИ

ЗОВЪ БАЧШИШКОВЪ

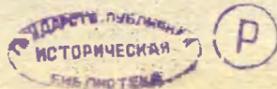
ЦѢНА 10 К. НА СТАНЦ.

И

Ж.Д. 12 К.

8

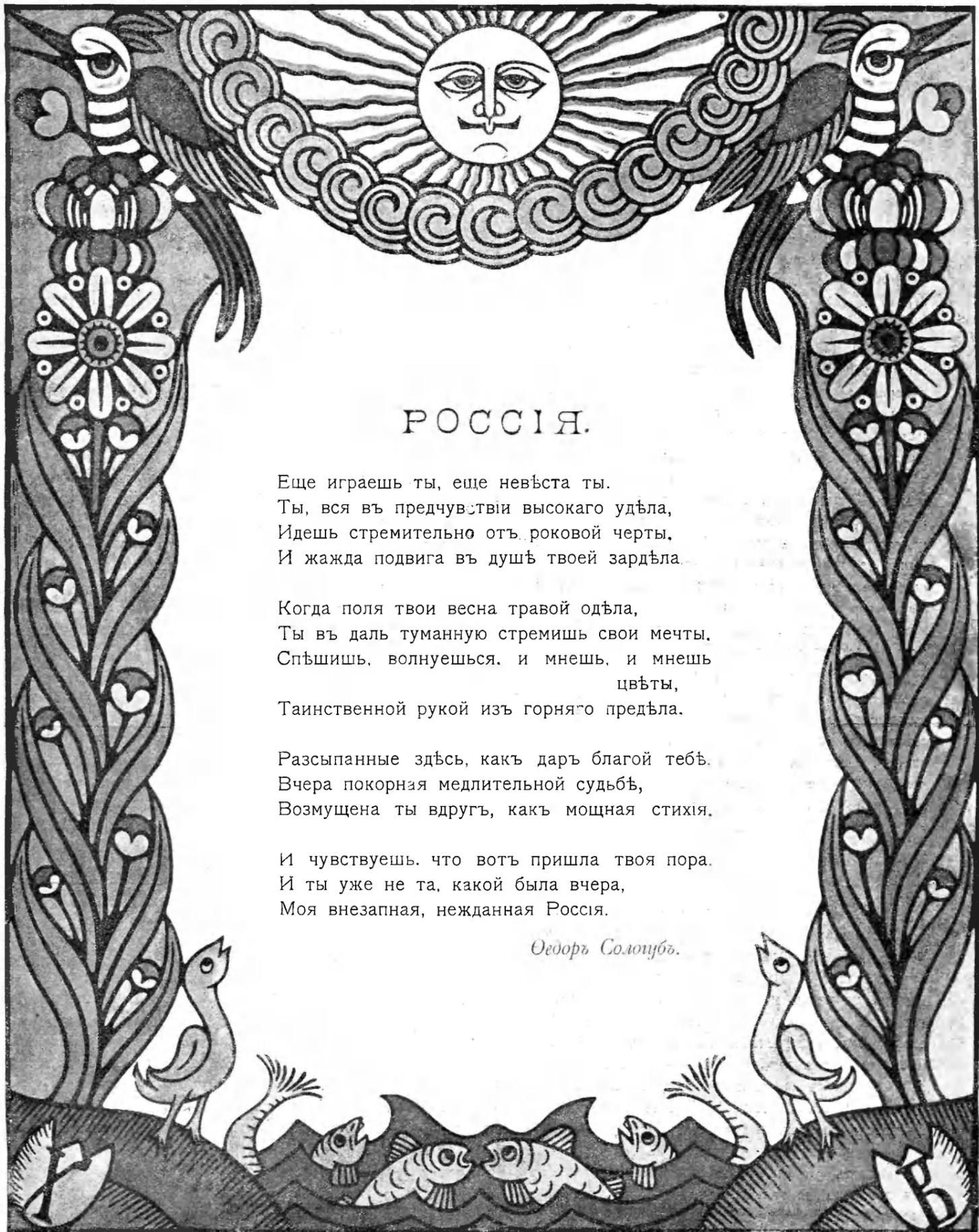
ПЕТРОГРАДЪ

1915 г.

Отъ редакціи.

Въ великіи праздники победы духа надъ смертью плоти, въ день воскресенія целостности и искупленія ея, съ торжесной остротой читаемъ мы о будущемъ Россіи, о счастіи ея, о будущемъ населеніи необъятныхъ пространствъ нашей родины. Вотъ почему настоящимъ номеръ журнала мы посвящаемъ національному вопросу, который волнуетъ совесть и напрягаетъ умъ всего общества Россіи гражданъ ея. Мы вѣримъ, что послѣ многихъ историческихъ опытовъ, повиная государственному разуму, вслѣдствіе сердца и предначертаньямъ своею великаго будущаго, Россія разрѣшитъ національный вопросъ. Воскресенье народовъ есть воскресенье Россіи къ новой жизни.

РОССІЯ.

Еще играешь ты, еще невеста ты.
Ты, вся въ предчувствіи высокаго удѣла,
Идешь стремительно отъ роковой черты,
И жажда подвига въ душѣ твоей зардѣла.

Когда поля твои весна травой одѣла,
Ты въ даль туманную стремишь свои мечты.
Спѣшишь, волнуешься, и мнешь, и мнешь
цвѣты,
Таинственной рукой изъ горняго предѣла.

Разсыпанные здѣсь, какъ даръ благой тебѣ.
Вчера покорная медлительной судьбѣ,
Возмущена ты вдругъ, какъ мощная стихія.

И чувствуешь, что вотъ пришла твоя пора.
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россія.

Оддоръ Солоубъ.

К. К. АРСЕНЬЕВЪ ВОСКРЕСЕНІЕ ПОЛЬШИ

Есть слова, равносильныя дѣламъ. Однажды сказанныя, они въ значительной степени предрѣшаютъ будущее. И чѣмъ неожиданнѣе было, въ данную минуту, ихъ произнесеніе, тѣмъ неотразимѣе они врѣзываются въ жизнь. Воскресеніе польскаго народа совершилось въ тотъ день, когда оно было провозглашено полномочнымъ представителемъ Россіи. Конечно, „душа Польши“ никогда не умирала; но она считалась умершей вмѣстѣ съ тѣломъ—а смерть этого тѣла казалась несомнѣнной и безповоротной. Не однимъ камнемъ, . . . была завалена его могила, и они глубоко, повидимому, ушли въ землю, взаимно поддерживая другъ друга. Но поддержкѣ этой долженъ былъ придти конецъ; въ ней скрывался источникъ слабости, ничѣмъ неустранимой. Слишкомъ разнородны были соединившіяся на время силы; разрывъ между ними былъ неизбеженъ, и онъ привелъ къ вскрытію охранявшагося ими гроба.

Границы воскресшей Польши установить исходъ войны. Есть основаніе думать, что онъ будетъ раздвинуты широко и обнимутъ всю территорию, гдѣ господствуетъ польскій языкъ и большинство населенія безусловно составляютъ поляки. Но еслибы результатъ получился и менѣе блестящій, новая эпоха все же наступила бы для всего польскаго народа. . . .

. . . . Свободная Польша не можетъ не стать единой Польшей; но свободными должны быть въ ней не одни поляки. Отъ воскресшихъ поляковъ Россія—говоря словами Верховнаго Главнокомандующаго,—„ждетъ уваженія къ правамъ тѣхъ народностей, съ которыми связала ихъ исторія“. Не въ школѣ гнета воспитывается привычка къ такому уваженію; слишкомъ много исторія знаетъ примѣровъ перехода отъ роли притѣсняемыхъ къ роли притѣснителей—и даже одновременнаго ихъ совмѣщенія. Что великое дѣло, совершающееся на нашихъ глазахъ, не разобьется въ гавани о подводный камень, на это даетъ право надѣяться особенность настоящаго момента. Высокаго напряженія достигло не только національное чувство, но и сознаніе солидарности вмѣстѣ борющихся и вмѣстѣ страдающихъ за общее дѣло. Бѣдствія, связанныя съ вой-

ною такъ велики, что для преодоленія ихъ послѣдствіи необходима продолжительная и дружная работа. Она смягчитъ горечь воспоминаній, давнихъ и недавнихъ; она заставитъ понять, что прочность приобретеннаго права прямо пропорциональна его распространенности. Свѣтъ наступающаго дня разсѣетъ предрасудки, созданныя тьмой безконечной ночи.

Измѣняются уже теперь отношенія между поляками и русскими. Въ средѣ послѣднихъ никогда, даже въ самыя мрачныя эпохи, не изсякали настроенія, благоприятныя для Польши. Не былъ ея врагомъ нашъ великій поэтъ, мечтавшій, вмѣстѣ съ Мицкевичемъ, „о временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся“, и позднѣе, вслѣдъ за взятіемъ Варшавы, восклицавшій: «Въ бореньи павши невредимъ». Кто помнитъ начало 60-хъ годовъ, тотъ знаетъ, что широкимъ кругамъ русскаго общества, хотя бы и вовсе не радикальнымъ, не было чуждо желаніе уступокъ, которыя могли бы предупредить или прекратить возстаніе. Открытое выраженіе этого желанія, даже въ самой сдержанной формѣ, скоро стало невозможнымъ; свободно говорить о Польшѣ, о полякахъ разрѣшалось только единомышленникамъ Каткова. Полякамъ могло казаться, что имъ одинаково враждебна официальная и неофициальная Россія. А между тѣмъ, какъ только свѣтлѣлъ, на короткое время, политическій горизонтъ, вмѣстѣ съ ожиданіемъ общей переменны къ лучшему всегда возникала надежда на облегченіе бремени, подъ которымъ изнывала Польша. . . .

. . . . И если полвѣка тому назадъ не знали еще предѣла польскія требованія, если сохраняла прежнее обаяніе мечта о возстановленіи Рѣчи Посполитой „отъ моря и до моря“, то теперь и съ этой стороны положеніе дѣлъ существенно измѣнилось и для соглашенія нѣтъ трудно преодолимыхъ препятствій. Насталъ конецъ упорному сопротивленію, которое встрѣчали еще недавно самыя скромныя польскія желанія; не можетъ болѣе быть рѣчи объ отрицаніи правъ польскаго языка въ польскихъ городскихъ думахъ, разъ что въ сферѣ языка, какъ и въ сферѣ самоуправленія и вѣры, за возрож-

дающей Польшей торжественно признана свобода. Отсталый традиционный взгляд на русско-польския отношенія былъ опасенъ только до тѣхъ поръ, пока онъ находилъ властную поддержку или, по меньшей мѣрѣ, не вызывалъ властнаго противодѣйствія; передъ течениемъ, вдохновившимъ воззваніе 2-го августа, онъ долженъ исчезнуть, какъ таетъ воскъ передъ лицомъ огня. Быть можетъ, новый путь не вездѣ окажется ровнымъ и гладкимъ; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ приведетъ къ желанной цѣли.

Желанной, въ полномъ смыслѣ слова, эта цѣль является не для однихъ поляковъ. Въ государствѣ гдѣ есть граждане перваго и втораго сорта, нормальное существованіе затруднено или сдѣлано невозможнымъ не только для послѣднихъ. Не можетъ быть истинно полноправной одна часть населенія, пока существенно ограничена въ правахъ другая.

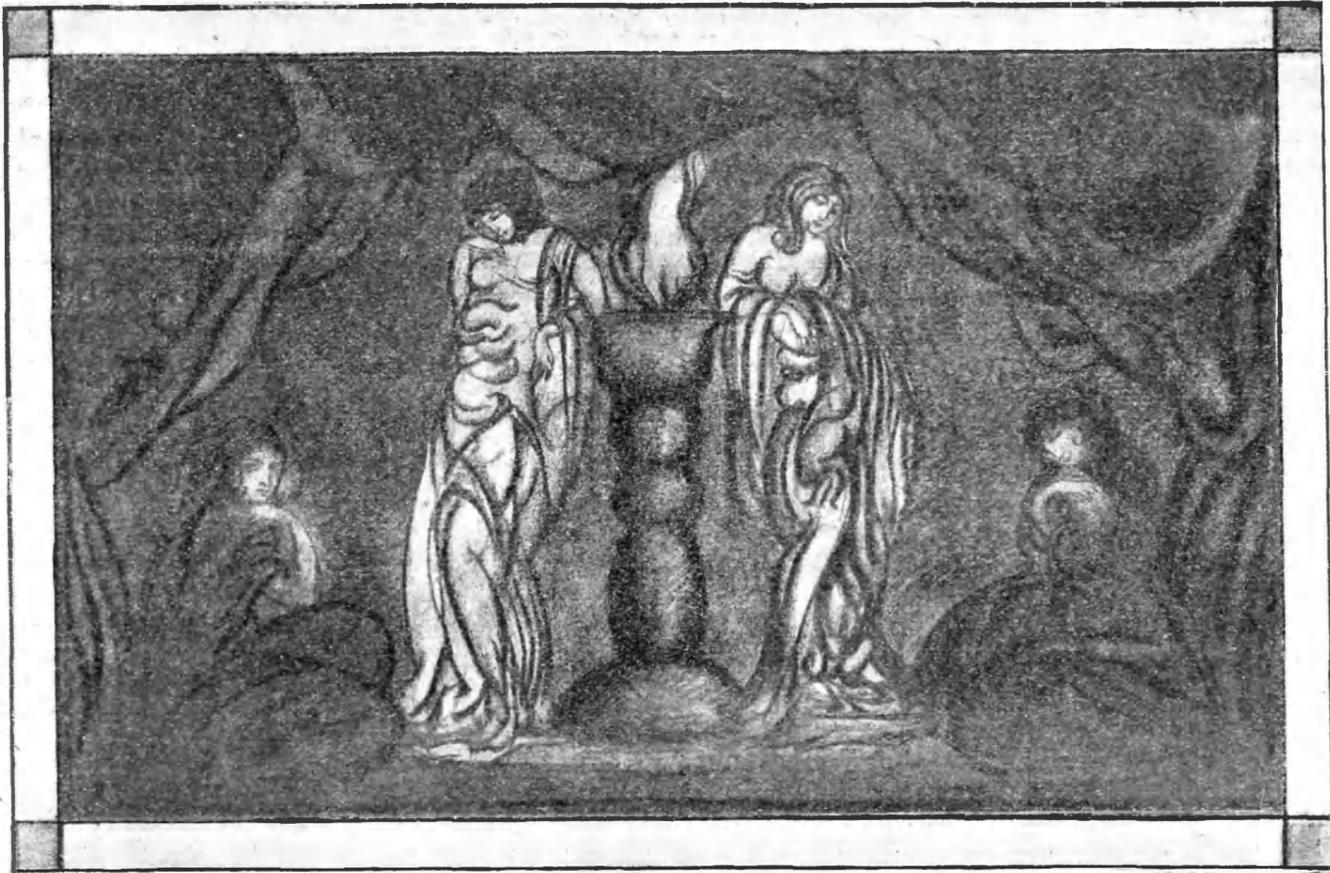
Немыслимо правильное развитіе мѣстнаго самоуправленія, пска подозрительной или „неблагонадежной“ признается та или другая національность. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что изъ-за сравнительной многочисленности и вліятельности польскаго элемента до сихъ поръ лишены земства три сѣверо-западныхъ губерніи—лишены его даже въ томъ рудиментарномъ видѣ, въ какомъ оно было введено въ 1903 г. въ шести

другихъ губерніяхъ Западнаго края. Въ нашей недавней исторіи можно найти еще болѣе яркія доказательства тому, какъ опасно для всего государства опальное положеніе одной его области. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что волненія 1861—62 г.г. въ царствѣ польскомъ и, тѣмъ болѣе, возстаніе 1863 г. значительно способствовали замедленію и искаженію общерусской преобразовательной работы.

Только послѣ того, какъ перестанетъ существовать „польскій вопросъ“, начнется настоящее общеніе между поляками и русскими. Только тогда, когда прекратится искусственное преобладаніе русскаго языка надъ польскимъ, онъ вступитъ въ права, которыя обезпечиваетъ за нимъ его внутренняя сила; только тогда для поляковъ станетъ возможной правильная оцѣнка великой русской литературы. Велика и польская литература, могучъ и польскій языкъ, знакомство наше съ ними неизбежно будетъ расти, какъ только падетъ стѣна, раздѣляющая оба народа. Воскресеніе Польши должно послужить началомъ новой жизни для Россіи.

К. Арсеньевъ.

Б. Анисфельдъ.

Жертвенное пламя.

И. А. БОДУЭНЬ — ДЕ — КУРТЕНЭ СВОЕОБРАЗНАЯ „КРУГОВАЯ ПОРУКА“

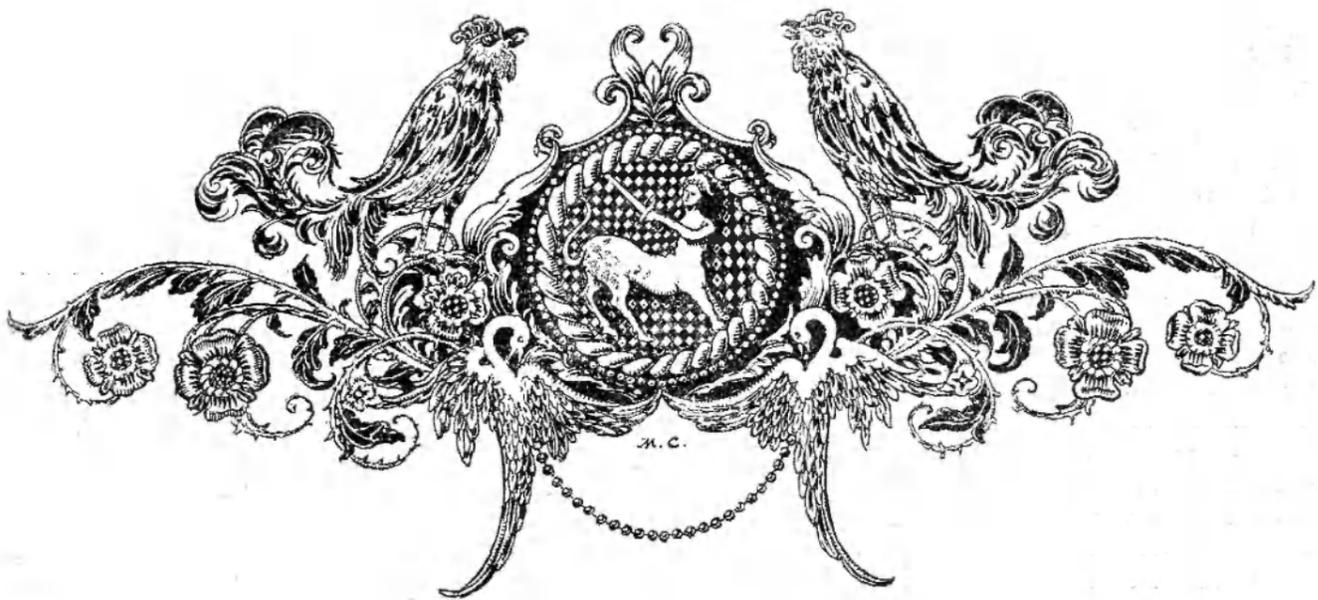
На одномъ изъ устраиваемыхъ въ послѣднее время русско-польскихъ совѣщаній по «польско-еврейскому вопросу» одинъ мой знакомый въ отвѣтъ на довольно странную защиту „евреевъ“ противъ „поляковъ“ замѣтилъ:

«У меня когда-то утащили въ вагонѣ чемоданъ. Воръ оказался «полякомъ». Но я не сказалъ, что укралъ «полякъ», а только что укралъ воръ. Другой разъ похитителемъ оказался «русскій». И на этотъ разъ я обличалъ въ кражѣ не «русскаго», а просто вора... Однакожъ, по всей вѣроятности, еслибы мой чемоданъ очутился въ рукахъ еврея, было бы сказано: „укралъ еврей“, а не просто воръ“.

Точно также „еврей“ занимается ростовщичествомъ, „еврей“ распаиваютъ народъ въ кабакахъ, „еврей“ поддѣлываютъ деньги, „еврей“ сводничаютъ и ведутъ торговлю живымъ товаромъ, „еврей“ шпионничаютъ и „измѣняютъ“ и т. д. Если же ростовщиками, зловерными кабатчиками, фальшивомонетчиками, сводниками

торговцами живымъ товаромъ, шпионами, „измѣнниками“ и т. д. оказываются люди, называемые „христианами“, „поляками“, „русскими“, „литовцами“, „чехами“ и т. п., мы какъ то не осуждаемъ за это всѣхъ христианъ, всѣхъ поляковъ, всѣхъ русскихъ, всѣхъ литовцевъ, всѣхъ чеховъ и т. д., а просто миримся съ тѣмъ, что ростовщичествомъ занимаются ростовщики, распаиваніемъ народа безсовѣстные кабатчики, поддѣлкою монетъ фальшивомонетчики, шпионствомъ шпионы, „измѣною“ „измѣнники“ и т. д.

Конечно, въ противоположномъ „христианскому“ лагерю въ лагерѣ еврейскомъ мы найдемъ тѣ же огульные обвиненія и взваливанія отвѣтственности за дѣйствія отдѣльныхъ людей или же преступныхъ шаекъ на цѣлые человѣческіе коллективы, объединяемые тѣмъ или другимъ племеннымъ или же вѣроисповѣднымъ названіемъ. Тогда въ преступникахъ окажутся „христиане“, „поляки“, „русскіе“ и т. п.

П. МИЛЮКОВЪ.

БЛИЖАЙШІЯ ЗАДАЧИ ВЪ АРМЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ.

«Съ памятныхъ годовъ 1894—1896, когда армяне подверглись варварскому избіенію въ Малой Азии и въ самомъ Константинополѣ, положеніе это нисколько не измѣнилось къ лучшему. Докладъ о реформахъ въ армянскихъ провинціяхъ, изданный султаномъ Абдуломъ-Гамидомъ 20 октября 1895 г. подъ давлениемъ Россіи, Франціи и Англии, остался мертвой буквой. Аграрный вопросъ обостряется съ каждымъ днемъ. Большинство земель захвачено и захватывается курдами, и власти не только не препятствуютъ, но даже покровительствуютъ и содѣйствуютъ этимъ захватамъ. Консула наши единодушно свидѣтельствуютъ о непрекращающихся разбояхъ и грабежахъ курдовъ, объ убійствахъ ими армянъ и о насильственныхъ обращеніяхъ армянскихъ женщинъ въ исламъ, причемъ виновники безчинствъ почти никогда не привлекаются къ отвѣтственности».

Невозможно въ нѣсколькихъ словахъ лучше обрисовать дѣйствительное положеніе турецкихъ армянъ, чѣмъ это сдѣлано въ приведенныхъ строкахъ донесенія нашего посла въ Константинополѣ, отъ 26 ноября 1912 г., которымъ открывается недавно опубликованная Оранжевая книга о «реформахъ въ Арменіи». Такъ же опредѣленно, какъ поставленъ діагнозъ болѣзни, указывается въ томъ же донесеніи и способъ леченія. «Наша оккупация армянскихъ вилайетовъ, о которой мечтаютъ многие армяне, представляется въ настоящій моментъ (1912) преждевременной. Но, вступая на путь реформъ въ предѣлахъ турецкой имперіи, не слѣдуетъ забывать о печальной участи закона объ армянскихъ реформахъ 1895 г. и создать прочную гарантію для

предполагаемыхъ улучшеній въ армянскихъ провинціяхъ, поставивъ эти улучшенія подъ дѣйствительный контроль нашихъ или европейскихъ агентовъ. При этомъ нужно, однако, считаться съ возможностью, что, при существующей нынѣ въ Турціи анархіи, реформы не внесутъ ожидаемаго успокоенія, и быть готовымъ къ тому, что вступленіе нашихъ войскъ въ эти области окажется быть можетъ необходимымъ».

Здѣсь предсказываются всѣ три фазиса развернувшейся съ тѣхъ поръ армянской эпопеи: 1) вступленіе на путь реформъ, 2) гарантія улучшеній контролемъ европейскихъ агентовъ и. 3) вступленіе русскихъ войскъ, т. е. оккупация турецкой Арменіи. Первые двѣ стадии этой эпопеи нынѣ вполне закончились, третья начинается развертываться на нашихъ глазахъ, а за нею, какъ ея естественное послѣдствіе, должна идти и четвертая: окончательное устройство армянскихъ вилайетовъ послѣ освобожденія отъ турецкаго ига, подъ покровительствомъ Россіи.

Мысли наши естественно обращаются къ этой послѣдней стадии. Сказать что-либо положительное о ней въ настоящее время чрезвычайно трудно. Но, быть можетъ, нѣкоторыя косвенныя указанія на то, какъ *можетъ* Россія устроить турецкую Арменію послѣ пораженія Турціи, возможно бы было извлечь изъ того, какъ *хотѣла* въ дѣйствительности Россія обезпечить мирное существованіе армянскихъ вилайетовъ при существованіи турецкаго суверенитета.

Какъ извѣстно теперь во всѣхъ подробностяхъ изъ «Оранжевой книги», русская дипломатія въ Константинополѣ предложила въ юнѣ 1913 года проектъ ши-

рокихъ реформъ для Арменіи, подготовленный при содѣйствіи самихъ армянъ и основанный на предыдущихъ проектахъ 1880 и 1895 гг. выработанныхъ европейскими державами.

Русскій проектъ обсуждался съ 3 по 24 юля въ совѣщаніи представителей константинопольскихъ посольствъ и вызвалъ упорное сопротивление со стороны германскаго представителя. Пришлось оставить его въ сторонѣ и на основаніи тѣхъ пунктовъ, по которымъ удалось добиться согласія всѣхъ державъ, включая Германію, составить новый, значительно урѣзанный проектъ. Этотъ второй проектъ, однако, также встрѣтилъ возраженіи Порты, которую поддерживала Германія. Только послѣ большихъ трудовъ и усилии нашей дипломатіи въ Константинополѣ удалось наконецъ закончить съ Портой 26 января 1914 г. договоръ, въ которомъ устанавливались окончательно начала реформы въ шести армянскихъ вилайетахъ. Но за осуществленіемъ этихъ реформъ должны были слѣдить не непосредственно державы, а приглашенные Портою по указаніямъ державъ „генеральные инспекторы“. Этими Порты воспользовалась, чтобы окончательно затормозить реформу. Она заключила съ приглашенными ею на службу (10 мая 1914 г.) кандидатами Европы, съ голландцемъ Вестененкомъ и съ норвежцемъ Гоффомъ, такого рода контракты, которые связали ихъ по рукамъ и по ногамъ, и превратили въ турецкихъ чиновниковъ, заинтересованныхъ высоко оплачиваемой службой. Когда началась война, оба эти неудачные „генеральные инспектора“ вернулись домой и вопросъ о реформѣ былъ окончательно ликвидированъ.

Съ чего же начать теперь, когда вопросъ остался, благодаря турецкимъ ошибкамъ, совершенно открытымъ, и когда приходится все начинать сначала? Исходить-ли изъ договора 26 января 1914 г., въ которомъ реформа является въ сильно урѣзанномъ и искаженномъ видѣ, или же вернуться къ первоначальнымъ предложеніямъ Россіи, не осуществившимся только вслѣдствіе противодействія Германіи?

Для отвѣта на этотъ вопросъ напомнимъ, въ чемъ заключается разница обоихъ проектовъ—первоначального, широкаго, и позднѣйшаго, урѣзаннаго.

Русскій проектъ образовалъ изъ шести вилайетовъ Арменіи особую область съ областнымъ собраніемъ, имѣвшимъ широкое право законодательства по мѣстнымъ дѣламъ, и съ надѣленнымъ широкими полномочіями главой исполнительной власти или генераль-губернаторомъ.

Договоръ 26 января раздѣлилъ турецкую Арменію на двѣ области, со включеніемъ чисто-мусульманскаго седьмаго вилайета Трапезундскаго. Въ каждой области было свое особое представительное собраніе съ болѣе ограниченной компетенціей и свой особый

представитель исполнительной власти, «генераль-инспекторъ», связанный во всѣхъ важныхъ вопросахъ, турецкимъ совѣтомъ министровъ.

По какому изъ этихъ двухъ образцовъ придется устраивать турецкую Арменію, когда задачу эту возьметъ на себя непосредственно сама Россія? Очевидно, второй образецъ имѣетъ только значеніе компромисса, лишеннаго всякаго внутренняго смысла и всякой послѣдовательности. Поднявшись надъ отдѣльнымъ вилайетомъ, конечно, нельзя останавливаться на двухъ областяхъ, а нужно идти до конца, до созданія единой области турецкой Арменіи.

Въ другой области, въ области обезпеченія культурно-национальныхъ правъ населенія, Россія была счастливѣе, чѣмъ въ области общаго устройства. Здѣсь державы признали права школы и языка—а Турція уже потому не могла возражать, что права эти въ значительной степени уже принадлежали раньше религиознымъ общинамъ отдѣльныхъ национальностей. Россія настояла лишь на дальнѣйшемъ расширеніи этихъ правъ. Такимъ образомъ, даже въ договоръ 26 января 1914 г. внесены были постановленія, которыя обезпечивали свободу существованія частныхъ школъ на родномъ языкѣ устроителей и участіе каждой национальности въ школьномъ бюджетѣ вилайета пропорціонально размѣру платимыхъ этой национальностью школьныхъ налоговъ; обнародованіе законовъ, указовъ и официальныхъ извѣщеній на всѣхъ мѣстныхъ языкахъ; факультативный переводъ на языкъ тяжущихся постановленіи суда; наконецъ, допущеніе, съ согласія генеральнаго инспектора, употребленія сторонами роднаго языка въ сношеніяхъ съ судомъ и съ администраціей.

Очевидно, этого рода постановленія являлись, даже при минимальныхъ уступкахъ турокъ, настолько безспорными, что касаться ихъ съ цѣлями сокращенія при будущемъ устройствѣ турецкой Арменіи было бы совершенно немислимо.

Есть, наконецъ, еще одинъ рядъ постановленій, которыя Россія съ большимъ трудомъ отстаивала для армянъ въ своемъ договорѣ съ Турціей. Это тѣ постановленія, которыя гарантировали армянъ отъ насилія со стороны господствовавшаго—не только численно, но и политически, а отчасти и социально—туземнаго населенія, турокъ и курдовъ. Общій принципъ, на которомъ настаивала Россія, какъ на гарантии армянскаго населенія, былъ принципъ этнографическаго равенства въ занятіи должностей въ администраціи, полиціи, жандармеріи и такого же равенства въ мѣстномъ самоуправленіи. Христіане и мусульмане должны были назначаться и выбираться на всѣ эти мѣста въ равномъ числѣ. Турція упорно боролась противъ насилія Россіи по этому вопросу и отчасти побѣдила,

добившись проведения принципа пропорционального представительства разных частей населения во всех вилайетах, кроме Вана, Гистлиса и (условно, в случае если перепись населения не будет кончена в течение года), Эрзерума. Она настояла также на осуществлении принципа равенства в занятии должностей по полиции и жандармерии лишь по мере открытия вакансий.

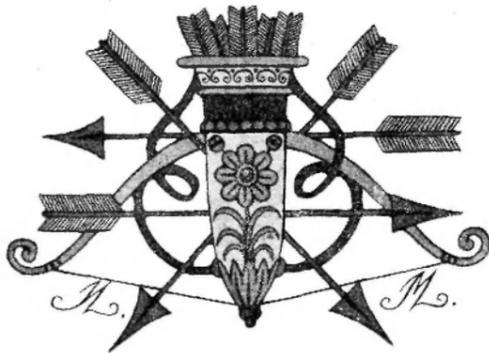
Судьба этих постановлений, очевидно, будет зависеть от того, на каких началах будет устроена администрация турецкой Армении после отмены суверенитета Турции. Преподвещать этот вопрос в данный момент было бы чрезвычайно трудно. Можно лишь считать несомненным, что та анархия, которая делала необходимым установление таких формальных гарантий, при новых порядках продолжаться не может. Законные права каждой части населения должны найти себе защиту, которой не находили при турецком режиме.

Съ этимъ вопросомъ связанъ и другой: о ликвидации систематическихъ насилий прежнихъ хозяевъ страны надъ христіанскою райей, особенно въ области земельныхъ захватовъ и новыхъ переселеній мусульманъ на армянскія земли. Даже въ договорѣ 26 января разрѣшеніе земельныхъ споровъ отдавалось подъ прямое

наблюденіе генераль-инспекторовъ. Реформированному при теперешнихъ условіяхъ суду, администраціи и мѣстному законодательству въ этой области предстоитъ громадная работа. Не говорю уже о предупрежденіи безправія въ будущемъ. Но и возстановленіе права, нарушеннаго въ прошломъ, подчасъ довольно далекомъ, — должно составлять непосредственную работу новаго устройства турецкой Армении.

Здѣсь набросаны только самыя общія штрихи будущаго устройства и намѣчены лишь самыя важныя вопросы. Я намѣренно не входилъ въ дальнѣйшія детали, которыя могли бы оказаться спорными и споръ о которыхъ преждевремененъ. Само собою разумѣется, что Россія не Турція, и что мѣры, которыя принимались *противъ* Турціи въ нашихъ прежнихъ проектахъ, нѣтъ смысла принимать *противъ* Россіи, т. е. *противъ* самихъ себя. Но нужно помнить и другое. Проектъ 8 юня 1913 г. составленъ при ближайшемъ участіи армянскаго общества. Отступать отъ него безъ нужды — значило бы подвергать колебаніямъ то прочное чувство симпатіи и довѣрія, которымъ Россія пользуется въ данную минуту во всехъ слояхъ армянскаго населенія и среди всехъ политическихъ теченій армянскаго общества.

П. Миллюковъ.

Статья М. А. Славинскаго и концовка Б. Анисфельда къ ст. П. И. Миллюкова не могли быть помѣщены по независящимъ отъ редакціи обстоятельствомъ.

Страдной Россіи

На страну вашу братскую—въ поле бранное, въ ту горькую пустыню, гдѣ постѣ великъ и часъ скорь, донесетъ ли мой голосъ въ Христову ночь—

Христосъ воскресъ!

Какъ пустыня, други, печаль залегла по полямъ и въ лѣсахъ на Руси. Темны ночи и долги часы: забудешь—вспомнишь, вспомнишь—не вотишишь. И однѣ только думы...

Други,
Христосъ воскресъ!

Въ полночь колоколъ ударитъ, зазудетъ — — — сердце родное матери—земли родной зазудетъ. Васъ, мои братья, вѣрные трудники за русскую землю, вспомнятъ русскій народъ.

Христосъ воскресъ!

Алексѣй Ремизовъ

СТРАДНОЙ РОССІИ.

На страну вашу братскую—въ поле бранное, въ ту горькую пустыню, гдѣ постѣ великъ и часъ скорь, донесетъ ли мой голосъ въ Христову ночь.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Какъ пустыня, други, печаль залегла по полямъ и въ лѣсахъ на Руси. Темны ночи и долги часы: забудешь—вспомнишь, вспомнишь—не вотишишь. И однѣ только думы...

ДРУГИ, ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Въ полночь колоколъ ударитъ, зазудеть — сердце родное матери—земли родной зазудеть. Васъ, мои братья, вѣрные трудники за русскую землю, вспомнятъ русскій народъ.

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ!

Алексѣй Ремизовъ.

М. ГОРЬКІЙ.

МѢЛЪЧУКЪ

Рассказъ

РУДНО рассказать эту маленькую исторію, — она такъ проста.

Когда я былъ юношей, то по воскресеньямъ,—весною и лѣтомъ, я собиралъ дѣтей нашей улицы и съ утра, уводилъ ихъ въ поле, въ лѣсъ: мнѣ нравилось жить въ дружбѣ съ маленькими людьми, веселыми, какъ птицы.

Дѣти были рады покинуть пыльные, тѣсныя улицы города; матери снабжали ихъ кусками хлѣба, я покупалъ что нибудь вкусное, наливалъ большую бутылку квасу и, какъ пастухъ, шелъ сзади беззаботныхъ ягнятъ городомъ, полемъ, до зеленого лѣса, по красивому и ласковому въ уборѣ весны.

Мы почти всегда выходили изъ города утромъ, во время благовѣста къ ранней обѣднѣ, насъ сопровождалъ звонъ колоколовъ и облака пыли, поднятыя быстрыми ногами дѣтвора.

Въ жаркій полдень, уставъ играть, мои товарищи собирались на опушкѣ лѣса, потомъ, закусивъ, тѣ, что поменьше, спали на травѣ въ тѣни орѣшника и калины, а десятилѣтніе молодцы, тѣсно собравшись вокругъ меня, просили рассказать имъ что нибудь, и я рассказывалъ имъ что-то, болтая такъ-же охотно, какъ они сами болтали со мною. И часто, не смотря на всю самонадѣянность юности и на присущую ей смѣшную гордость ничтожными знаніями жизни, я чувствовалъ себя двадцатилѣтнимъ ребенкомъ среди мудрецовъ.

Надъ нами—синій покровъ вешняго неба, предъ нами—въ мудромъ молчаніи богатое разнолѣсье; пробѣжитъ вѣтеръ, пронесется тихій шопотъ, поколеблется душистый тѣни лѣса и снова ласкаетъ душу лаской матери благодатная тишина.

Бѣлыя облака медленно плывутъ въ синевѣ неба; съ земли, нагрѣтой солнцемъ, небо кажется холоднымъ, и странно видѣть, что облака таютъ въ немъ.

А вокругъ меня—маленькіе люди, славные люди, призванные познать всѣ скорби, всѣ радости жизни.

Это были мои хорошіе дни, настояще праздники, и душа моя, уже достаточно запыленная знаніемъ дурныхъ сторонъ бытія, омывалась и свѣжѣла въ ясной мудрости дѣтскихъ мыслей и чувствъ

Однажды, когда я выходилъ изъ города въ поле съ толпою дѣтей,—встрѣчу намъ вывернулся никому незнакомый мальчикъ-еврей, босый, въ изорванной рубахѣ, чернобровый, тоненькій и кудрявый, какъ барашекъ.

Былъ онъ чѣмъ-то взволнованъ и, видимо, недавно плакалъ, вѣки его матово-черныхъ глазъ опухли и покраснѣли, рѣзко выдѣляясь на блѣдномъ до синевы, голодномъ лицѣ.

Наткнувшись на толпу дѣтей, онъ остановился среди дороги, крѣпко упершись ногами въ прохладную утромъ пыль, темныя губы его красиваго рта испуганно полуоткрылись, — въ слѣдующую секунду онъ легкимъ прыжкомъ очутился на тротуарѣ.

— Держи его!—закричали дѣти весело и дружно.— Жиденокъ! Держи жиденка!

Я ждалъ, что онъ убѣжитъ,—его худенькое, большеглазое лицо выражало страхъ, губы дрожали, онъ стоялъ въ шумѣ насмѣшекъ и странно вытягивался, точно выросталъ, прижимаясь къ забѣру плечами, спрятавъ руки за спину.

Но онъ вдругъ сказалъ, очень спокойно, внятно и правильно:

— Хотите—я вамъ фокусы покажу?

Я понялъ это предложеніе, какъ способъ самозащиты, а дѣтей оно сразу заинтересовало и отодвинуло отъ него; только наиболѣе взрослые и грубые смотрѣли на маленькаго еврея недоувѣрчиво и подозрительно: наша улица враждовала съ дѣтьми другихъ улицъ, наши ребята были крѣпко убѣждены въ какихъ-то своихъ преимуществахъ передъ дѣтьми другихъ улицъ и не любили, не умѣли замѣчать особенныя преимущества другихъ дѣтей.

Маленькіе отнеслись къ дѣлу проще:

— Показывай!—закричали они.

Красивый, тоненькій мальчикъ отступилъ отъ забора, изогнулъ назадъ свое худенькое тѣло, коснулся руками земли и, взметнувъ ноги, всталъ на рукахъ, крикнувъ:

— Гопъ!

И завертѣлся, какъ обожженный, легко и ловко играя своимъ тѣломъ.

Сквозь дыры его рубахи и штанишекъ просвѣчивала сѣроватая кожа худенькаго тѣла, острыми углами высывались кости лопатокъ, колѣнъ и локтей. И ключицы его были точно удила.

Казалось, что вот он перегнется еще раз и эти тонкие косточки хрустнут, ломаясь.

Он старался до пота, рубаха на спине его взмокла, сдѣлавъ какое нибудь упражненіе, онъ заглядывалъ въ лица дѣтей съ нарочитой, мертвой улыбкой и не пріятно было видѣть его матовые глаза,—расширенные точно отъ боли, они странно вздрагивали, и много было во взглядѣ ихъ недѣтскаго напряженія.

Ребятишки поощряли его шумными возгласами, многие уже подражали ему, кувиркаясь въ пыли, падая, вскрикивая отъ боли неловкихъ движеній, отъ неудачъ, успѣховъ и зависти.

Но эти веселыя минуты сразу исчезли, когда мальчикъ, переставъ упражняться въ ловкости, посмотрѣлъ на дѣтей съ благосклонной улыбкой опытнаго артиста и сказалъ, протянувъ тонкую руку:

— Теперь—дайте мнѣ что нибудь.

Всѣ замолчали, кто-то спросилъ:

— Денегъ?

— Да,—отвѣтилъ мальчикъ.

— Ишь, какой!

— Мы-бы, за деньги-то и сами съумѣли...

Эта просьба вызвала у маленькой публики враждебное и пренебрежительное отношеніе къ артисту,—дѣти пошли къ полю, насмѣшничая и поругиваясь. Конечно—денегъ ни у кого изъ нихъ не было, а у меня—только семь копѣекъ. Я положилъ двѣ монетки на пыльную ладонь, мальчикъ пошевелилъ ихъ пальцемъ и сказалъ, хорошо улыбаясь:

— Благодарю...

Онъ пошелъ прочь, и я увидѣлъ, что рубаха на спине его вся въ темныхъ пятнахъ и прилипла къ лопаткамъ.

— Постой,—что это?

Онъ остановился, обернулся, внимательно посмотрѣлъ на меня и съ такой-же хорошей улыбкой сказалъ четко:

— Это—на спине? Это мы упали съ трапеци въ балаганѣ, на Пасхѣ,—отецъ все еще лежитъ, а я уже здоровый...

Я поднялъ рубаху—на кожѣ спины съ лѣваго плеча внизъ и къ боку лежала широкая темная ссадина, она засохла толстымъ струпомъ, но во время упражненія струпъ лопнулъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и теперь изъ трещинъ сочилась алая кровь.

— Теперь ужъ не больно, — сказалъ онъ, улыбаясь,—не больно, а только чешется...

И мужественно, какъ подобаетъ герою, взглянувъ въ глаза мнѣ, онъ продолжалъ тономъ серьезнаго взрослого человѣка:

— Думаете—это я для себя работалъ? Честное слово—нѣтъ! Отецъ... у насъ нѣтъ ни кусочка! А отецъ такъ разбился. Знаете,—приходится работать. А тутъ еще—евреи мы, и всѣ надъ нами смѣются... До увиданья!

Онъ говорилъ съ улыбкой, весело, и бойко.

Кивнувъ мнѣ кудрявой головою, онъ пошелъ очень быстро мимо глазастыхъ домовъ, они смотрѣли на него стеклянными очами равнодушно и мертво.

Это такъ незначительно и просто—не правда-ли?

Но не однажды въ жизни моей въ трудные дни ея я съ благодарностью вспоминалъ мужество мальчика.

И теперь, я вспоминаю

мальчика — ибо въ немъ олицетворилось для меня именно мужество человѣка,—не гибкое терпѣніе раба, живущаго неясными надеждами, а мужество сильнаго который увѣренъ въ побѣдѣ.

М. Горькій.

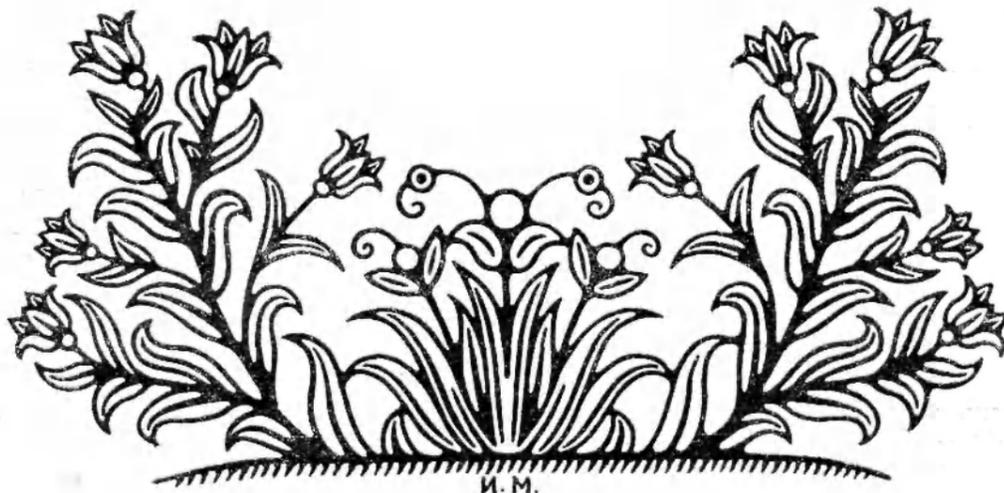

Рис. П. Наумова

КОЛДОВСКОЙ ЦВѢТОКЪ.

РАЗСКАЗЪ.

ДѢДУШКА Изоть—настоящій таежный охотникъ, медвѣжатникъ. Вдоль и поперекъ, на тысячу версть тайгу исходилъ: бѣлковать-ли, медвѣдей-ли бить, первый мастакъ. А соболь попадетъ—срѣжетъ за милую душу и соболя. И чего-чего онъ только не видалъ въ тайгѣ:

— Ты думаешь эту просьбу люди вели? Нѣтъ... Это ураганъ садонулъ, ишь какую широкую дорогу сдѣлалъ... А меня, парень, почитай на сотню сажень отмахнуло вихремъ-то, сколь безъ памяти лежалъ... А молодой еще тогда былъ, самосильный...

Изоть и лѣшихъ сколько разъ въ тайгѣ видалъ:

— Онъ хозяинъ здѣсь... Только что хрещеному человѣку онъ не душевреденъ... Иду какъ то я съ Лыской, а онъ, падло, нагнулъ рябину, да и жретъ прямо ртомъ...

Онъ и тунгусовъ, и шамановъ ихъ, самыхъ страшныхъ, самыхъ могучихъ видывалъ:

— Тунгусовъ здѣсь, въ тайгѣ много. Ухъ, и шаманы же у нихъ въ старину были: посмотришь на него разъ, умирать будешь—и то вспомнешь...

Бродить мнѣ по тайгѣ съ Изотомъ весело. Заговорить—заговорить—знай слушай.

Да и тайга зимой красоты небывалой. Вся опушенная бѣлымъ снѣгомъ, густая и непролазная, она кажется какой-то замороженной сказкой, какимъ-то волшебнымъ полусномъ.

Мы съ дѣдомъ еле тащимъ ноги, направляясь на ярко-золотой отблескъ вечерней зари.

Жучка, высуня языкъ, чернымъ пятномъ ныряетъ по сугробамъ и устало тяфкаетъ, когда сорвавшаяся

съ сосны шишка обнаружитъ притаившагося на вершинѣ звѣрка.

До нашего зимовья, крохотной лачуги, добрыхъ версты двѣ. Сумракъ все настойчивѣй выползаетъ изъ берлогъ и падей, заря гаснетъ, въ небѣ одна за другой вспыхиваютъ звѣзды.

— Ну-ка, паря, приналяжемъ,—кряхтитъ дѣдъ и надбавляетъ шагу.

А вотъ и зимовье.

Маленькое, пять шаговъ въ длину, пять въ ширину, наскоро срубленное и кой-какъ протыканное мхомъ, оно намъ съ дѣдомъ милѣе каменныхъ палатъ.

Жучка хозяйственно обѣжала избушку и полаявъ на всѣ четыре стороны, первая шмыгнула въ полуоткрытую дверь.

2.

Лишь только запылали въ каменкѣ лиственничныя дрова, мы съ дѣдомъ повалились на холодный земляной полъ и, поглядывая на веселый огонекъ, плакали отъ ѣдкаго дыма, сразу наполнившаго всю избенку.

— Дѣдъ, открой пожалуйста, дверь.

— Пошто?.. Этакъ, братъ, намъ и хаты не согрѣть. Уткнись, коли такъ, рыломъ-то въ шубу... Онъ чичасъ къ потолку подыметъ... Отъ-та-а-къ...

Дѣдъ подбросилъ еще охапку мелко наколотыхъ дровъ, огонь заболталъ о чемъ-то, затараторилъ по своему, и воздухъ сталъ быстро нагрѣваться.

— Ну, садись,—скомандовалъ дѣдъ раскатистымъ своимъ басомъ—а я дыру открою, надо дымъ на волю выпустить.—И, весь окутанный облаками дыма, полѣзъ на нары, чтобъ открыть подъ самымъ потолкомъ задвинутую доской продушину.

Через полчаса мы, усѣвшись на разбросанные по землѣ хвои, пили съ ржаными сухарями чай, а надъ нашими головами колеблющимся голубоватымъ пологомъ плавалъ дымъ.

— Да-а-а...—тянетъ дѣдъ, настораживая къ костру котелокъ, съ оленьимъ мясомъ—ты говоришь: тайга... Тайга, братъ, охо хо-о о-о... И народъ въ ней другой, особый, прямо тебѣ скажу, дикий народъ.

Дѣдъ у костра стоитъ вдвое перегнувшись и, опаски ради, придерживаетъ лѣвой рукой огромную свою сивую бородищу.

— Да и вправду молвить, ну кто округъ насъ есть живой... Медвѣдь да тунгусъ, вотъ и свѣтъ весь... Куда ни кинься—тайга... Лѣсъ, лѣсъ да дыра въ небо... И никакой къ намъ пути-дороги... А все-жъ таки...

Дѣдъ набилъ трубку, вытащилъ изъ костра головешку, закурилъ.

— А и промежъ насъ инымъ часомъ бываетъ... Нѣтъ, нѣтъ да и... Тьфу! чтобъ те пятнало, окаяннаго!—вдругъ плюнулъ дѣдъ, —гляди, каку дыру прожогъ, —и, зажавъ дымящися подолъ рубахи, принялся сердито ворошить палкой прогорающія дрова.

— Чтожъ промежъ васъ бываетъ-то?

— А какъ тебѣ сказать... Ну, быдто сумленье въ голову вступить, куда-то поманить человѣка, душа вродѣ какъ скулить начнетъ... Вотъ взвился-бы птицей, да улетѣлъ-бы къ самому небушку... Да-а-а... А то тайга, тайга, никакого тебѣ вздыху нѣтъ... Скушно... Да вотъ погоди ужь, я те расскажу, какой случай могъ произойти съ однимъ человѣкомъ, прямо будемъ говорить, съ моимъ родителемъ.

Поужинавъ и разомлѣвъ въ теплѣ, мы стали свѣжевать съ дѣдомъ бѣлокъ: обдирали съ нихъ пушистыя шкурки и связывали ихъ хвостами вмѣстѣ по двѣнадцати штукъ, въ бунты.

Жучка, нажравшись до отвала бѣлокъ, подсѣла къ огоньку и вскорѣ, подремывая, стала клевать своимъ острымъ носомъ.

Дѣдъ притащилъ еще охапку дровъ и сказалъ:

— Ну, паря, давай укладываться спать.

— А случай-то...

— А ты ложись, знай: ночь долгая... Поди намаялся день-то деньской...

3.

Мы лежимъ съ дѣдушкой Изотомъ на прикрытыхъ оленьими шкурами хвояхъ. Костеръ въ углу на каменкѣ ярко горитъ.

Черные, покрытые густой сажей потолокъ и стѣны тихо колышутся въ лучахъ костра, а за крохотнымъ надъ скамьей оконцемъ, сквозь вставленную прозрачную льдинку, мерещится голубая таежная ночь,

Дѣдъ укрылся шубой, а голыя ноги подставилъ близехонько къ костру.

— Ну вотъ, теперича, коли такъ, слушай...

Покряхтѣлъ, поскребъ обѣими руками лохматую голову, сладко зѣвнулъ и старательно закрестилъ ротъ.

— Ну дакъ вотъ, я и говорю. На моихъ памятяхъ это дѣло-то приключилось, а я въ та-поры мальцемъ былъ. Да. И вдругъ, братецъ ты мой, начали мы съ матерью замѣчать, что съ тятей чего-то неладное до-спѣлось, чего-то тосковать тятя началъ. А жили мы, надо тебя предупредить, справно. Сядеть бывало, тятя подъ окошко, подшибетса рукою, да и сидитъ, какъ статуя, молча.—«Ты чего-й-то, Терентій?»—мамынька окликнетъ.—«Такъ, ничего». Мамынька на рѣку сбѣгаетъ, баню протопитъ, придетъ, а онъ все еще подшибившись сидитъ.—«Да ты бы хоть поѣлъ, на-ка шербы покушай».—«Нѣтъ, не надо».—«Не брюхо-ли у тебя схватило?» А отецъ этакъ срыву отвѣтитъ: «Вотъ тутъ у меня болитъ... вотъ тутъ, понимаешь?»—А самъ по сердцу ладонью стучаетъ. «Ну-къ иди, не-то, въ баньку, похвоцись».—«Дура!»—крикнетъ отецъ, вскочитъ, сорветъ съ гвоздя картузъ, да маршъ вонъ. А мамынька—выть. Ужъ ночью придетъ батя домой, къ пѣтухамъ, почитай. Вотъ день, вотъ другой, вотъ третій... Батя все не въ себѣ. Потомъ оклемается—опять за работу... Недѣли двѣ такъ продюжить, а потомъ опять къ нему лихо припечется. Ахъ, ты, Господи. А то пить учнетъ. И пьетъ, и пьетъ, фу ты, пропасть. Такъ вотъ и маялся.—«Да чего это съ тобой, Терентій, сдѣлалось?»—мамынька спроситъ.—«Тоскливо мнѣ... Тоска... Понимаешь, тоска»... а у самого слезы.—«Дыкъ, дай я тебя натру, благословясь, сорокапритошникомъ, отъ сорока притокъ, сорока болѣзней способствуетъ».—«Молчи, дура баба»,—вотъ и весь сказъ. И вотъ, братецъ ты мой, теперича слушай, кака оказія стряслась Спишь, нѣтъ?

— Я слушаю.

— То-то. Ну вотъ... Заходитъ къ намъ въ этакое-то время бродяжка, такъ, мозглякъ какой-то, ночевать просится. Ну что-жъ, ночевать, такъ ночевать, мѣста не жалко. Накормили его, значить, напоили.—«Откуда Богъ несетъ?»—«По хрещенымъ хожу, питаюсь. А вотъ, говоритъ, верстахъ въ десяти отъ васъ—чудо».—«Какое чудо?»—отецъ обрадовался. «Да, говоритъ, по Нижней Тунгускѣ изъ Енисейска города на Лену въ каторгу преступниковъ въ лодкѣ бичевой тянутъ, а средь ихъ, говоритъ, знаменитый разбойникъ Горкинъ съ полюбовницей».—«А чѣмъ же онъ знаменитый?»—«Да его, говоритъ, никакія цѣпи, никакія остроги не держуть... Слово такое знаетъ, сколь разъ убѣгалъ... Самъ убѣжить, да еще человѣкъ съ двадцать уведетъ съ собою». У тятки и глаза загорѣлись, ажъ задрожалъ весь.—«Изотъ!»—кричитъ мнѣ тятя.—«Оболакайся живчикомъ, пойдемъ глядѣть». Ну, одначе мамынька умолила тятю, не потрогалъ меня, одинъ ушелъ. Вотъ

ждать мы тятеньку ждуть, нѣту. Опосля того, этакъ черезъ недѣлю времени, брякъ въ окно: «Эй, отвори-тись-ка». А ночь была глухая. «Ну, говорить, Акулина, вотъ чудо дакъ чудо видалъ я»,—и за чаемъ началъ намъ, значить, все по порядку, что и какъ.

До самаго утра я, разиня ротъ, слушалъ.

«Вотъ прихожу, говорить, я на Ерѣмину Луку, а тамъ, дѣйствительно, костеръ горитъ, а возлѣ костра люди. А туманъ такой стоялъ, что страсть. Вотъ по-привѣтствовалъ я, говорить, народъ. Гляжу, все чужіе. И вижу, у костра сидитъ женщина, краснымъ платочкомъ повязана. Какъ уперлась она въ меня глазами, я такъ назадъ и подался: «Чего, говорить, испужался»,—а сама возьми да улыбнись. Ну такой женщины сроду, говорить не видалъ, ну до чего у ней, говорить, глаза удивительные, какъ стрѣлой разить, вотъ какъ. Ну, изъ себя тоже шибко хороша. Да. «А главная-то рыбина въ лодкѣ, въ шитикѣ»—говорять мнѣ. Я туда. Сидитъ мужичище, вродѣ цыгана, носъ горбатый, борода черная, цѣпями весь окованъ. Какъ взглянулъ я на него, сробѣлъ, жуть на меня напала, плюнулъ я, вѣкъ, молъ, тебя не видѣть. Вотъ началъ народъ суетиться у лодокъ, время плыть, коней начали въ постромки вчаливать. А женщина встала, отряхнулась, бровью повела, ну прямо королева: «Дозвольте мнѣ, говорить, на эту гору подняться. Лодку я догоню». А рѣка тутъ быстро бѣжитъ, лодку супротивъ воды тянуть трудно, лодка огромная-шитикъ. Старши ей говорить: «Ну, ладно, иди, никуда ты въ тайгѣ не скроешься». Вдругорядъ улыбнулась женщина, подобрала юбоченку, да айда на гору, а шитикъ тѣмъ временемъ съ разбойникомъ вверхъ повели. А я стою, говорить мой родитель, покойна головушка, дожидаясь ее, прямо ну вотъ, скажи намилость, все бы на нее глядѣлъ, ну прямо околдовала, дьяволь. Долго-ли, коротко-ли, говорить, ждалъ, ну только гляжу: спускается съ горы, маячить сквозь туманъ, сама въ веселыхъ мысляхъ и какой то цвѣтокъ въ рукѣ держитъ, травинку: «вотъ, говорить, мужичокъ: сколь времени я такой цвѣтъ искала, нигдѣ не могла найти, опричь этого мѣста. Бѣги, говорить, мужичокъ, къ лодкѣ, а я съ этимъ цвѣткомъ подъ водой пойду, я васъ наздогоню». И не успѣла, батюшка ты мой, вымолвить, подбѣжала къ крутому берегу, да чебурахъ въ воду, только гулъ пошелъ. Я: «ай-ай! караулъ!» да ну по кустамъ вдоль берега тесать, быдто заяць... А туманъ страшный: сколь разовъ, говорить, я подъ берегъ кубаремъ леталъ. Ну, кой-какъ догонилъ шитикъ: «Стой, кричу, стой. Женщина утопла!» Шитикъ къ берегу, я вскочилъ, говорить, туда, началъ все чередомъ обсказывать, такъ, молъ, и такъ, и вдругъ въ это самое времячко, какъ взиграетъ вода подъ кормой, какъ вынырнетъ наша красавица-то: «ну, вотъ и я!»

Рис. П. Наумова.

а сама сухохонька, быдто и въ водѣ не бывала. Мы всѣ такъ и осатанѣли. Шапченки сдернули, окстились. А она улыбається. А туманъ того гуще сталъ все какъ въ молокъ, вся округа. Народъ перепугался, шепоткомъ разговоры ведутъ, боятся какъ бы она, колдовка-то, какого худа не сдѣлала: какъ махнетъ цвѣткомъ, да оборотитъ всѣхъ медвѣдями, али гадиной какой. А она, братецъ мой, ровно-бы угадала. «Вы меня не пужайтесь». Ну, мы ничего, оправились.

Мой родитель съ недѣлю съ ними плавалъ, она еще разовъ пятокъ этакимъ-же побытомъ подъ водой ходила. Да...

— Ну, теперича, паря, давай курнѣмъ.

4.

Накурившись въласть, дѣдъ приподнялся, задвинулъ дымовую продушину огладилъ Жучку и снова легъ.

— Ну, дакъ вотъ, парень... На чемъ бишь, я остановился-то... Да-а-а... Этово, какъ ево... Да-а-а...

Наконецъ, собравшись съ мыслями, дѣдъ началъ:

— И съ этого самаго времени родитель мой,

покойна головушка, въ отдѣлку загрузилъ, оконча- тельно умою тряхнулся. Самое лѣто наступило, пора сѣнокосная, тутъ только давай-давай. А онъ какъ-то утречкомъ: «Ну, прощай, баба... прощай, сынокъ... А я пойду»...—«Куда-ты, что-ты?»...—«Пойду счастье пытатъ».—«Очнись, одумайся»... А онъ свое. Такъ, братецъ ты мой и скрылся. Плакали мы съ мамынькой, плакали: какъ быть, куда дѣваться? Объявили миру, стали у мира помочи просить. Вотъ всей деревней съ недѣлю по тайгѣ шарились, да развѣ сыщешь: тайга энъ какъ, конца краю ей нѣту...

А тутъ пошелъ, это я съ ружьишкомъ линныхъ утокъ пострѣлять въ Еремѣ рѣкѣ, вотъ, братецъ ты мой, подхожу, это, я къ берегу, слышу: схлопало что-то по водѣ. Я испужался, схоронился за сосну, вы- сматриваю. Опосля гляжу: человекъ посередь рѣки вынырнулъ, да къ берегу по саженкамъ чешетъ. Глядѣть-глядѣть, Господи, Царь Небесный, да вѣдь это тятя. Я къ нему: «тятенька, кричу, тятенька!» Подбѣжалъ, повисъ у него нс шеѣ, да ну ревѣть въ голосъ. «Ты что-же это, тятенька, задумалъ?»—«А я, сынокъ, цвѣтки пытаю всякіе... Мнѣ колдовской цвѣ- токъ обязательно надо отыскать... Пойдемъ-ка». И повелъ меня въ кусты. Шалашикъ у него тамъ сдѣ- ланъ, а кусты густыя, вѣкъ не найти-бы... Возлѣ шалаша на козлиныхъ жердочка строганая, а на ней всякія нанизаны травы: «Вотъ эти всѣ перепробовалъ, въ нихъ силы нѣту настоящей».—«Тятенька, мамынька меня за тобой послала... Пойдемъ».—«Обожди, сынокъ. Айда къ рѣчкѣ!». Вотъ повелъ меня къ рѣчкѣ. Разулся опять, разоболокся, взялъ изъ кучи одинъ цвѣтокъ бѣлый, зажалъ въ горсть, разбѣжался да бултыхъ въ рѣчку, на самое дно. Ну, я стою, разиня ротъ, див- люсь. Опять тятя ныркъ наверхъ посередь рѣчки, фырчитъ, отдувается, ажъ захлебался весь. «Не тотъ,— кричитъ не тотъ!.. Дай-ко-съ синенькій». Да такъ до самага вечера и нырялъ все съ разными цвѣт- ками.

Ну, иначе, сговорилъ я его. Пошли мы съ нимъ домой. Какъ вошли въ тайгу, сѣли подъ елочку, я ему и говорю. «Зачѣмъ же тебѣ, тятя, такой цвѣтокъ?» Онъ похлопалъ, это, меня по плечу, вотъ какъ сейчасъ помню, да таково-ли ласково вымолвилъ: «Ахъ, сынокъ, сынокъ... Еще молодой ты, чего знаешь... Скушно человекъ, сынокъ... Вотъ какъ скушно... Ты слышалъ, говоритъ, сказку, какъ Иванъ-царской сынъ золотыхъ кудрей, на колдовскомъ конѣ за тридевять земель ѣздилъ, али про Жаръ-птицу, али про коверъ самолетъ... Вотъ то-то и есть, сынокъ. Да кабы мнѣ такой цвѣ- токъ-то колдовской найти... Ха! Да я бы сквозь всѣ земли прошель, я бы все небушко надзвѣздное воль- ной птахой выпорхалъ... Ухъ, ты, Господи!» Обнялъ это онъ меня, да таково-ли страшно задышалъ... Я

установился на тятю, а у него слезы такъ ручьемъ и хлещутъ...

Дѣдъ пофыркалъ носомъ и незамѣтно смахнулъ набѣжавшую слезу. Подъ нарами тихо влала во снѣ Жучка. А въ кострѣ попискивали и о чемъ-то шептались золотые угольки.

— Ну, какъ ты думаешь, чѣмъ же эта вся по- бывальщина окончилась,—спросилъ дѣдъ повернувшись на бокъ, ко мнѣ лицомъ.

— Не знаю.

— А окончилась она такъ, милый... Вернулся отецъ и все намъ съ мамынькой по хозяйству спра- вилъ. Впередъ всѣхъ съ поля убрались. Да. И вотъ, въ поздню пору, ужъ когда деревья начали призаду- мываться, а въ лѣсу красный листъ обозначился, опять тоска къ отцу подкатилась. Онъ мамынькѣ, царство ей небесное, ни-гу-гу, а все со мной больше разговоръ имѣлъ. Какъ-то разъ и говоритъ: «Я тепе- рича, Изотъ, по другому надумалъ цвѣты пытатъ», Не прошло и трехъ день, хватъ-похватъ, тяткинъ и слѣдъ простылъ. Ну тутъ опять и началось у насъ съ мамынькой. Она и къ попу-то ѣздила, и знахарокъ- то выпытывала, и шамана-то отъ тунгусовъ прини- мала, нѣтъ. Прямо, какъ кануль.

Ужъ ко Звиженю дѣло подходило, на хребты снѣгъ палъ. Сидимъ мы, какъ-то съ матерью, сумер- ничаемъ... Приходитъ въ избу сусѣдъ нашъ, Онисимъ, Покрестился на святы, «здорово, говоритъ живете», а самъ топчется. У насъ съ матерью такъ сердце и захолонуло. «Охъ, не съ добромъ ты я вижу, Они- симъ,—мамынька молвила, а онъ: „такъ что Терентий вашъ нашелся“.—„Гдѣ?!“—Извѣстно, въ тайгѣ“.— „Ну?!“—„Звѣрь его, видно, зашибъ, медвѣдь“. Матерь моя такъ съ лавки и покатила. А онъ: „Ѣхали мы, говоритъ, изъ кедровника съ орѣховъ, глядимъ, что за оказія! изъ подъ хворосту обудти торчатъ. Раски- дали хворостъ, а тамъ Терентий внизъ лицомъ лежитъ, а въ горсткѣ у него цвѣтокъ желтеньки зажатъ быдто“.

Дѣдъ, помолчавъ, прибавилъ:

— Вотъ те и все. И весь сказъ мой. Вотъ я и мекаю: однако онъ, родитель-то мой, покойна голо- вушка, медвѣдя цвѣткомъ-то покорить хотѣлъ, да въ поднебесье летѣть на немъ, навродѣ Сивки-Бурки... А?..

Дѣдъ замолкъ и долго лежалъ, тяжело вздыхая. Костеръ прогоралъ, въ зимовьѣ стоялъ колеблющийся сумракъ, а голубой снопъ, льющиса черезъ ледяное оконце, нащупывалъ что-то подъ нарами, шарилъ въ темномъ углу, кого-то выслѣживая и карауля.

Возлѣ зимовья вдругъ послышался скрипъ снѣга, будто грузный человекъ взадъ впередъ ходитъ, и тихій надвигающиса изъ тайги разговоръ. Жучка,

заблестѣвъ глазами, сторожко подняла голову, и потянувъ ноздрями воздухъ, октависто заворчала.

— Дѣдушка, чуешь?

— Стой-ко, ужо...

Мы приподнялись, сидимъ, опершись руками въ землю и чутко прислушиваемся. Да, голоса... Говорятъ медленно, тихимъ распѣвомъ, много голосовъ. Все ближе, ближе...

— Ахъ, окая-а-нный, а?..—испуганно шепчетъ дѣдъ, крестится и тянется тихонько за ружьемъ. А голоса громче, шумнѣй...

Жучка, вся ошетинившись и рыча подступаетъ къ двери. Кто-то за дверью стоитъ, торопливо шарится, скобку ищетъ...

— Стой, держи... Хватай ружье!..

И ужъ не разобрать, что творится тамъ, за стѣною: все смѣшалось въ еще далекомъ, но быстро растущемъ воѣ.

— Жучка, узы!..

И вдругъ тутъ, среди насъ застонало, завыло, загайкало, дверь рванули—гайгага-а-а!..—дверь настезь:

— Святъ, святъ!..

Ворвалось, ввалилось что-то безликое, все въ бѣломъ, крутануло, плюнуло, разметало весь костеръ, холодомъ глаза залѣпило, заухало...

— Аминь, Аминь!..—взревѣлъ дѣдъ и грянулъ изъ ружья...

— Сгинь нечистая сила, сгинь!..—и все смолкло.

Я, не попадая зубъ на зубъ, стоялъ возлѣ дѣда въ глубокой тьмѣ. Жучка жалась къ ногамъ и испуганно повизгивала. Дѣдъ трясущимися руками черкнулъ спичку, лучину зажегъ. Весь полъ, нары и мы сами были запорошены снѣгомъ, а дверь—плотно закрыта.

Дѣдъ перекрестился:—Ну-ко, благослови Христосъ,—и какъ-то по особому, съ хитринкой улыбаясь, сталъ разводить костеръ.

— Вотъ они, нечистики-то.. Чуешь?.. Ишь какъ я его изъ ружья-то ожогъ подходяще.

Въ двери зияла пробитая пулей дыра.

— Это ураганъ...—замѣтилъ я.

Дѣдъ круто обернулся ко мнѣ, выпрямился, ударившись головой о потолокъ, и зло крикнулъ:

— Ураганъ?! Какъ не ураганъ.. Много ты смѣлишь... Вотъ пойдёмъ-ка по дрова.

Мы вышли. Тайга не шелохнется. Полный мѣсяцъ въ мутно-бѣломъ кругу высоко стоялъ надъ тайгою. Снѣгъ на полянкѣ переливался алмазами и кругомъ была жуткая тишина.

— Ну, гдѣ-жъ тебѣ ураганъ? А?..—подступалъ ко мнѣ дѣдъ.

— А видишь, какъ тропу запорошило...

— Тропу-у-у?! Толкуй слѣпой съ подлекаремъ... Вотъ те и тропу... Тащи дрова-то.. Умникъ!

Вновь засялъ костеръ. Мы вывели набившихся въ зимовье снѣгъ и стали укладываться спать:

— Это оттого, что я маху далъ, забылъ дверь окстить.

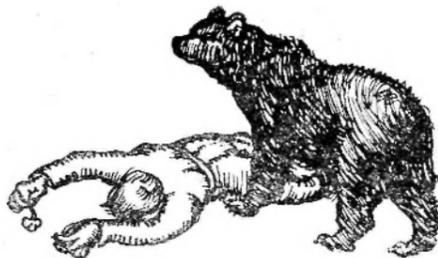
И дѣдушка Изоть залѣзъ на нары, закрестилъ торжественно дымовую продушину, потомъ сталъ крестить дверь, шепча какія-то тайныя слова и спевывая черезъ лѣвое плечо.

Была глухая полночь. Меня одолѣвала дрема. Я засыпалъ подъ раскатисто-плавный голосъ дѣда:

— Вотъ также легъ я не поблагословившись въ зимовье одномъ, а тамъ, быдто, блазнило, значить, по ночамъ рыхало.. Да-а-а...

Всю ночь мучили меня страшные сны: то я филиномъ леталъ надъ тайгою, то боролся съ медвѣдемъ, то нырялъ на дно рѣки за колдовскимъ цвѣткомъ.

Вяч. Шишковъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ө. Сологубъ. Россія, Стихи, ♦ К. К. Арсеньевъ.
Воскресеніе Польши. ♦ И. А. Бодуэнъ-де-Куртене.
Своеобразная «Круговая порука». ♦ П. Н. Милуковъ.
Ближайшія задачи въ Армянскомъ вопросѣ. ♦ А. Ре-
мизовъ. Страдной Россіи, ♦ М. Горькій. Мальчикъ.
Разсказъ. ♦ Вяч. Шишковъ. Колдовской цвѣтокъ.
Разсказъ. ♦ РИСУНКИ: И. Мозалевскаго,
Б. Анисфельда, П. Наумова.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ОТЕЧЕСТВО

ВЫХОДИТЪ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Иллюстрированный журнал «ОТЕЧЕСТВО» слѣдитъ за всѣми выдающимися событиями мировой жизни и даетъ имъ освѣщеніе въ многочисленныхъ статьяхъ и иллюстраціяхъ. ■ Военичая въ грозный историческій моментъ, журналъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на великой освободительной войнѣ и является иллюстрированной лѣтописью НАРОДНОЙ ВОЙНЫ.

Въ художественномъ отдѣлѣ журнала участвуютъ:

Н. Альтманъ, Б. Анисфельдъ, Ю. Анненковъ, Александръ Бенуа, И. Билибинъ, И. Бродскій, В. Бѣлкинъ, М. Добужинскій, Н. Кульбинъ, Б. Кустодіевъ, Г. Нарбутъ, П. Наумовъ, А. П. Остроумова-Лебедева, А. Радаковъ, Ре-ми, Н. Рерихъ, И. Е. Рѣпинъ, Л. Пастернакъ, М. Соломоновъ, С. Судейкинъ, О. Шарлеманъ, и др.

Въ литературномъ отдѣлѣ журнала принимаютъ участіе:

Леонидъ Андреевъ, проф. Евг. Аничковъ, А. А. Ахматова, Ю. К. Балтрушайтисъ, А. Н. Бенуа, Ал. Блокъ, Валерій Брюсовъ, Ив. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, Г. Вильямсъ, проф. П. Г. Виноградовъ, М. О. Гершензонъ, Влад. Гиппиусъ, Г. Гребеншиковъ, Н. С. Гумилевъ, Б. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Дымовъ, Н. Н. Евреиновъ, И. В. Жилкинъ, Б. К. Зайцевъ, Е. И. Замятинъ, Е. А. Зноско-Боровскій, Игорь-Сѣверянинъ, А. Измайловъ, Д. Н. Крачковскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. И. Купринъ, С. Г. Лозинскій, В. А. Маклаковъ, М. Моравская, Г. Г. Перетцъ, О. М. Персицъ, проф. Б. Пѣрсъ, С. Рафаловичъ, А. М. Ремизовъ, П. Рыссъ, Федоръ Сологубъ, В. Б. Станкевичъ, Ив. Странникъ, П. Б. Струве, В. Танъ, проф. Е. В. Тарле, Н. Д. Телешовъ, М. Толмачева, Гр. Ал. Н. Толстой, А. В. Тыркова, Тэффи, А. Чапыгинъ, Алек. Чеботаревская, Ан. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Г. И. Чулковъ, Вяч. Шиковъ, П. Е. Шеголевъ, А. М. Федоровъ и др.

Въ журналъ „ОТЕЧЕСТВО“ примутъ участіе М. Барресь, Ж. Гэдъ, Ж. Клемансо, Ромэнъ Ролланъ и др.
Редакторъ-Издатель **З. И. ГРЖЕБИНЪ**.

Въ отдѣльной продажѣ 10 коп. номеръ.

На станціяхъ жел. дорогъ—12 к.

ПРобный № высылается за 15 коп. марками

Пріемъ подписки производится во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ Имперіи.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Петроградъ, Невскій 50. Адресъ для телеграммъ: Петроградъ. «ОТЕЧЕСТВО»

Книгоиздательство „ОТЕЧЕСТВО“

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

КОРОЛЬ, ЗАКОНЪ И СВОБОДА.

ПЬЕСА ВЪ 3 ДѢЙСТВІЯХЪ.

цѣна 75 коп.

ФЕДОРЪ СОЛОГУБЪ.

ВОЙНА.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

(О Еврейскомъ Вопросѣ).

цѣна 20 коп.

Вся выручка поступаетъ въ „Еврейскій Комитетъ для помощи жертвамъ войны“.

АЛЕКСѢЙ РЕМИЗОВЪ.

ВЪ СВЯТУЮ РУСЬ.

ДУШЫ О РОДНОЙ ЗЕМЛѢ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ.

СТИХИ О РОССИИ.

цѣна 40 коп.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

А. ГРИНЪ.

ЗАГАДОЧНЫЯ ИСТОРИИ.

цѣна 1 руб.

ВОЙНА ВЪ ЦИФРАХЪ

Статистическія данныя изъ новейшей военной исторіи.

Сост. М. Р. Марковичъ.

Годы войны и мира въ XIX ст.—Численность арміи.—Напряженность и колебанія отд. войнъ.—Причины, обуславлившія исходъ войнъ.—Кровопрлитныя сраженія.—Осады. Потери людьми и материальныя.—Сравнительныя потери побѣдителя и побѣжденнаго, солдатами и офицерами, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій и болѣзней.—Полководцы.—Продолжительность войнъ.

цѣна 50 коп.

ЛЕОНИДЪ ДОБРОНРАВОВЪ.

РАЗСКАЗЫ.

Чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ „Общество Русскихъ Писателей для помощи жертвамъ войны“.

ГОТОВЯТСЯ: М. Горькій, СКАЗКИ, ИЛЛЮСТР. Худ. И. Бродскаго.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИСТОРИЧЕСКАЯ
СНОВАТЕЛЬСТВО